

Валентин Красногоров

Упражнения в драматургии

Несколько вариантов пьесы на один сюжет

ВНИМАНИЕ! Все авторские права на произведение защищены законами России, международным законодательством, и принадлежат автору. Запрещается его издание и переиздание, размножение, публичное исполнение, помещение спектаклей по нему в интернет, экранизация, перевод на иностранные языки, внесение изменений в текст при постановке (в том числе изменение названия) без письменного разрешения автора.

[Полные тексты всех пьес автора, рецензии, список постановок](#)

Контакты:

Тел. +7-951-689-3-689
(972)-53-527-4146, (972) 53-52-741-42

e-mail: valentin.krasnogorov@gmail.com

Сайт: <http://krasnogorov.com/>

© Валентин Красногоров

Предисловие

Блистательный французский писатель Раймон Кено написал в середине прошлого века великолепную книгу «Упражнения в стиле». Одно и то же ничего не значащее мелкое событие он описывает 99-ю способами. Важна не сама история (он отводит на каждое описание всего десятков строк), важна демонстрация разнообразия стилей.

Не в подражание французу (у меня цель другая, исходный материал другой, и вообще всё другое, и не о стилях пойдет разговор), но в этой работе одна и та же тоже история представлена в разных вариантах, в виде четырех различных пьес. Цель этих «упражнений» – не попытка создать из некоего интересного замысла самую лучшую пьесу. Задача другая: на примере простых моделей показать наиболее распространенные способы превращения первоначального замысла в пьесу. Речь пойдет не о разных трактовках характеров и событий, не о возможности варьировать жанры (хотя это тоже было бы интересно), а только о структурных отличиях одного типа пьес от другого. Может быть, тем, кто хочет лучше познать и понять драматургию, это принесет некоторую пользу. Впрочем, я не знаю ни одного драматурга (даже написавшего всего полпьесы), ни одного режиссера или критика, который бы не считал, что он знает о драматургии абсолютно всё, и что учиться ему нечему и незачем. Кажется, я –исключение.

Самый трудный этап в создании пьесы и вообще литературного произведения, - это замысел. Ведь сначала нет ничего, а из ничего трудно создать нечто. О чем и о ком писать? Кто будут твои персонажи? О чем они будут думать, чего хотеть, как поступать? С чего все начнется? Чем кончится? Где и когда это будет происходить? В чем идея? Как это сделать интересным? Зачем вообще это писать? Я помню, еще в советские времена один человек, считающий себя драматургом, сказал мне: «Ужасно хочется написать пьесу! Только не знаю, о чем».

Иногда замысел зарождается сначала в виде одной строчки (что-нибудь вроде «Иван рубил дрова, Варвара топила печку» или «Не забыть написать пьесу о том, как в нашем учреждении Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем»). Далее замысел может расширяться, созреть, обрести подробностями и, в конечном итоге, оформиться в какую-то короткую историю, в небольшой (на несколько строк или абзацев) рассказ (замысел в виде столь же короткой пьесы невозможен). Остается только сочинить по этому сюжету пьесу. «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута — и...» Но строки почему-то свободно не текут. Вроде бы ясно, кто кого любит, кто кому изменяет, и кто кого убивает, а пьеса все равно не получается.

Все – даже семилетние дети – в состоянии без труда о чем-то более или менее связно рассказать. Например, о том, как у вас прошел вчерашний день, или о том, как вы провели отпуск, или историю вашей первой любви. Слова польются сами собой. Но попробуйте эти же истории изложить в виде пьесы, и сразу же возникнут почти не преодолимые проблемы. Почувствовав эти трудности, авторы нередко принимают за совершенствовать историю, делают ее более интересной, более изощренной, придумывают новые повороты сюжета. Эта работа бесполезна. Из плохой истории трудно создать хорошую пьесу. Однако хорошая исходная история вовсе не означает, что и пьеса будет хорошей.

Мало кто ясно себе представляет, что драма кардинально отличается от прозы, что это совершенно другой род литературы, что она требует иного мышления, иной техники.

Но предисловие затянулось. попробуем просто сами применить типичные приемы создания пьесы из первоначального замысла, взяв в качестве модели не слишком сложную исходную историю. Для исполнения всех получившихся пьес нам понадобится пока семь персонажей: МАКСИМ, Его ДРУГ, ЖАННА - его первая жена, ЛЮДМИЛА - его вторая жена, АНДРЕЙ --адвокат, ГОСТЬ, БУХГАЛТЕР.

Исходная история

Журналисты часто пытаются взять у меня интервью, просят рассказать о себе, но я всем отказываю. Я знаю, что людей интересую не я сам, а мои деньги. Правда, деньги у меня действительно есть, и немалые, но я не олигарх, не взяточник, не состою ни во властных, ни в криминальных структурах (если между ними есть разница). Я просто инженер. Специалист в области телекоммуникации. Что может быть скучнее, правда? Состояние мне принесло изобретение, над которым я бился одиннадцать лет. Все эти годы я ужасно бедствовал. Жена, не выдержав нищеты и неопределенности, меня бросила. Казалось, что надеяться уже не на что, но два года назад ко мне вдруг пришла удача, и я получил за созданный мною прибор огромное вознаграждение. Огромное. Хватило бы на всю жизнь. Но я не стал кутить по ресторанам и ездить по Европам, а сразу принялся разрабатывать новую идею, еще более грандиозную. Для этого пришлось создать свой исследовательский центр, вложить в него немалые средства, набрать штат сотрудников. Но прежде я встретил девушку, влюбился, женился и впервые за многие годы почувствовал себя по-настоящему счастливым. Эта жизнерадостная красавица очень скрасила мне жизнь. Ведь до этого я долго был совершенно одинок...

Должен признаться, что новое дело пошло куда медленнее, чем я ожидал. Изобретать в одиночку приборы оказалось легче, чем руководить фирмой. Пришлось заключать контракты, готовить патенты, писать какие-то справки и отчеты, проходить бесчисленные проверки, ходить по инстанциям, добиваться приема у разных чиновников. К счастью, мне дали хороший совет: взять в штат адвоката. Он оказался очень деловым. Быстрым, хватким, толковым... Мы быстро подружились. Деньги я ему платил немалые. Он успешно вел мои юридические дела и заодно помог вести войну с городскими бюрократами. Я, по своей наивности, даже и не предполагал, что во властных структурах сидит столько жуликов и вымогателей. Мой адвокат тоже был этим возмущен, и у нас возникла идея выдвинуть его в депутаты, а то и в мэры. Хотелось, чтобы в мэрии появился хотя бы один честный человек. Я его, конечно, поддержал, дал на это деньги, привлек друзей.

Увлечшись своими идеями и политикой, я не сразу заметил, что моя красавица мне изменяет. Я так в нее верил, что вообще бы этого не заметил, если бы, как водится, не донесли добрые люди. Это было для меня страшным ударом... Выяснилось к тому же, что она хотела не просто бросить меня, но и полностью обобрать, и для этого тщательно разработала со своим любовником план. Если бы у нее это получилось, я бы снова стал нищим, фирму пришлось бы закрыть, а моя идея так и осталась бы нереализованной, или кто-нибудь ее бы присвоил.

Однако, немного остыв, я решил не устраивать бесполезных скандалов и вообще ничего наспех не предпринимать, а сначала получить неопровержимые доказательства. Пораскинув мозгами, я не стал нанимать частных сыщиков, а решил эту проблему сам. Технические подробности объяснять не буду: главное, мне это удалось. Я, как паук, сплел свою сеть, и моя женушка со своим любовником в нее попала.

Может быть, я вел себя не очень красиво, устроив за ней слежку, но время показало, что я действовал правильно. Мы с красоткой расстались, научный центр удалось сохранить, разработка нового прибора не прекратилась. Вот, собственно, и вся история. Ничего интересного. Как у всех.

Комментарии

Обратим внимание на некоторые черты нашей исходной «истории»:

Ее события (как и в жизни) протекают в довольно большой период времени;

*Ее события происходят в разных, иногда неопределенных, местах (где-то «вообще»);
В этих событиях могут участвовать довольно много лиц.*

По всем этим параметрам у драмы существуют особенности и ограничения. Рассказ не ограничен ни в длительности повествования (одному и тому же сюжету может быть отдана и одна страница, и тысяча), ни в протяженности описываемого действия (хоть сто лет), ни в количестве персонажей.

Отмеченные черты типичны для большинства историй. Они могут быть очень длинными и сложными. Например, действие романа «Война и мир» происходит 15 лет, его события совершаются в сотнях разных точек и в них участвуют тысячи персонажей. Но мы ведем сейчас речь не об инсценировках, а о превращении собственного короткого замысла в пьесу. Однако превратить в пьесу непросто даже короткую несложную историю. Возьмем пример:

*«Мы жили по соседству,
Встречались просто так,
Любовь проснулась в сердце
Сама не знаю, как.»*

История как будто бы проста и сама просится на сцену. Но пьеса, в отличие от рассказа, происходит не «вообще», а на наших глазах, в конкретных местах и в конкретные временные отрезки. Сколько лет встречались наши герои «просто так» - с семи лет до семнадцати? Но не будем же мы показывать пьесу десять лет. А где они у нас будут встречаться – в школе, во дворе, в своих квартирах, в парке, на катке, на лестнице, на вечеринке? Сколько раз это надо показать на сцене и в каких точках? Как любовь проснется в сердце – мгновенно вспыхнет или будет нарастать незаметно и постепенно? И если постепенно, то как это показать? А что будет после того, как любовь проснется? Она будет взаимна? Они пожениются? Поссорятся? Он ей изменит? Уйдет на войну? Как это все представить на сцене?

Приход и уход персонажей на сцену и со сцены драматург должен мотивировать — задача, повествователю неизвестная, так как в рассказе или повести нет никакой сцены. Момент появления и исчезновения действующих лиц со сцены тоже должен быть рассчитан.

Таким образом, выясняется, что драматический писатель, в отличие от повествователя, должен строить свое произведение параллельно в двух планах: один план — это развертывание сюжета, характеристики героев, раскрытие темы, замысла, т.е. решение общелитературных задач. Второй план — воплощение всего этого на сцене, перевод событий в зримый и слышимый ряд, построение определенной системы, конструкции, позволяющей изложить задуманную историю в виде театрального представления. Другими словами, у автора пьесы должно быть двойное (или, иначе, единое драматургическое) мышление — в общелитературных и одновременно в сценических категориях. Любое, самое сложное жизненное явление: войну, революцию, общественную катастрофу, работу огромной фирмы, любовь, деланье денег — драматург должен представить в таком виде, чтобы небольшая группа людей, выйдя на подмостки, смогла показать его нам в течение двух-трех часов.

Но вернемся к нашей простой исходной истории про инженера и посмотрим, как ее превратить в пьесу. Один из самых распространенных способов – монодрама.

Монодрама»

МАКСИМ. Журналисты часто пытаются взять у меня интервью, просят рассказать о себе, но я всем отказываю. Моя биография и личная жизнь интересует очень многих, но только потому, что я богат. Если бы я был беден, то не вызывал бы ничего любопытства. И этого можно сделать простой и очевидный вывод, что людей интересую не я сам, а мои деньги. Ведь моя история настолько скучна и тривиальна, что даже не о чем рассказывать. Правда, деньги у меня действительно есть, и немалые, но я не олигарх, не взяточник, не состою ни во властных, ни в криминальных структурах (если между ними есть разница). Я просто инженер. Специалист в области телекоммуникации. Что может быть скучнее, правда?

Состояние мне принесло изобретение, над которым я бился одиннадцать лет. Все эти годы я ужасно бедствовал. Жена, не выдержав нищеты и неопределенности, меня бросила. Казалось, что надеяться уже не на что, но два года назад ко мне пришла вдруг пришла удача, и я получил за созданный мною прибор огромное вознаграждение. Огромное. Хватило бы на всю жизнь. Но я не стал кутить по ресторанам и ездить по Европам, а сразу принялся разрабатывать новую идею, еще более грандиозную. Для этого пришлось создать свой исследовательский центр, вложить в него немалые средства, набрать штат сотрудников. Но прежде я встретил девушку, влюбился, женился и впервые за многие годы почувствовал себя по-настоящему счастливым. Эта жизнерадостная красавица очень скрасила мне жизнь. Ведь до этого я долго был совершенно одинок...

Должен признаться, что новое дело пошло куда медленнее, чем я ожидал. Изобретать в одиночку приборы оказалось легче, чем руководить фирмой. Пришлось заключать контракты, готовить патенты, писать какие-то справки и отчеты, проходить бесчисленные проверки, ходить по инстанциям, добиваться приема у разных чиновников. К счастью, мне дали хороший совет: взять в штат адвоката. Он оказался очень деловым. Быстрым, хватким, толковым... Мы быстро подружились. Деньги я ему платил немалые. Он успешно вел мои юридические дела и заодно помог вести войну с городскими бюрократами. Я, по своей наивности, даже и не предполагал, что во властных структурах сидит столько жуликов и вымогателей. Мой адвокат тоже был этим возмущен, и у нас возникла идея выдвинуть его в депутаты, а то и в мэры. Хотелось, чтобы в мэрии появился хотя бы один честный человек. Я его, конечно, поддержал, дал на это деньги, привлек друзей.

Увлечшись своими идеями и политикой, я не сразу заметил, что моя красавица мне изменяет. Я так в нее верил, что вообще бы этого не заметил, если бы, как водится, не донесли добрые люди. Это было для меня страшным ударом... Выяснилось к тому же, что она хотела не просто бросить меня, но и полностью обобрать, и для этого тщательно разработала со своим любовником план. Если бы у нее это получилось, я бы снова стал нищим, фирму пришлось бы закрыть, а моя идея так и осталась бы нереализованной, или кто-нибудь ее бы присвоил.

Однако, немного остыв, я решил не устраивать бесполезных скандалов и вообще ничего наспех не предпринимать, а сначала получить неопровержимые доказательства. Пораскинув мозгами, я не стал нанимать частных сыщиков, а решил эту проблему сам. Технические подробности объяснять не буду: главное, мне это удалось. Я, как паук, сплел свою сеть, и моя жена со своим любовником в нее попала.

Может быть, я вел себя не очень красиво, устроив за ней слежку, но время показало, что я действовал правильно. Мы с красоткой расстались, научный центр удалось сохранить,

разработка нового прибора не прекратилась. Вот, собственно, и вся история. Ничего интересного. Как у всех.

Комментарии

Несложно заметить, что эта «монодрама» слово в слово повторяет нашу исходную историю (прошу прощения за то, что вам пришлось ее перечитывать). И это понятно. Поскольку пьесу написать много труднее, чем рассказ, некоторые авторы находят гениальное решение: пишут любой текст, иногда хороший, иногда бессвязный и претенциозный, и этот поток речи называют монопьесой. Мутность и невнятность рассказа в таких случаях еще более утверждает уверенность автора в своем новаторстве.

Что бы ни говорили о монодрамах, я все равно считаю, что монопьеса – это чаще всего никакая не пьеса, а просто история, рассказ. Он может быть великолепен, и его можно с успехом исполнить со сцены, но это вовсе не дает основания называть его драмой. Песни или поэмы тоже исполняют со сцены, отчего они не становятся пьесами. Можно, конечно, попытаться придать рассказу видимость пьесы, например, вставить ремарки типа «взволнованно», «вздыхает», «задумывается», «чуть слышно», «делает шаг назад» и прочие указания актеру, по сути режиссерские. Но это не меняет дела: события совершаются не на сцене, о них только рассказывается.

Моноспектакль – да, это реальность, но это скорее явление театра, а не драматургии. Актер на сцене может выразительно рассказать историю, он может изображать разных персонажей, говорить разными голосами и с разной интонацией, ему можно помочь мизансценами, светом, музыкой, сценографией, кинорядом. Но это уже спектакль, а «монопьеса» остается тем, что она есть – рассказом.

Разумеется, это утверждение, как и всякое другое, не абсолютно. Бывают исключения, есть рассказы, действительно написанные в жанре монодрамы. Примером тому – некоторые пьесы Кокто, Беккета и других авторов. Можно использовать разговоры с отсутствующими персонажами по телефону, беседы через окно и т.п. Отличие монодрамы от рассказа в том, что центральное событие в ней, «драма», совершается прямо на сцене, а не вне ее.

Попробуем написать пьесу по-другому.

Скрытый рассказ»

Действующие лица

МАКСИМ

Его ДРУГ

За столиком в ресторане сидят Максим и его Друг.

ДРУГ. *(Поднимая бокал.)* Ну что, за встречу?

МАКСИМ. За встречу!

Чокаются, пьют.

ДРУГ. Давненько мы с тобой не виделись.

МАКСИМ. Да, после университета ни разу.

ДРУГ. Что делать, страна наша велика, а мы с тобой пашем в разных ее концах. Ну, расскажи, как ты это время жил.

МАКСИМ. Да, собственно, и рассказывать нечего. Дом – работа, дом – работа. Больше работа, чем дом. Времени хватает только на кофе и бутерброд.

ДРУГ. Не скромничай. Говорят, ты разбогател и процветаешь.

МАКСИМ. Да, деньги у меня действительно есть, и немалые, но я не олигарх, не взяточник, не состою ни во властных, ни в криминальных структурах (если между ними есть разница). Ты же знаешь, я просто инженер. Специалист в области телекоммуникации.

ДРУГ. Как же ты сделал себе состояние?

МАКСИМ. *(Пожимая плечами.)*, Как ни странно, не спекуляцией, не жульничеством и не воровством. Собственной головой и тяжелым трудом

ДРУГ. Да, недаром ты учился лучше всех на курсе. Ты заслужил свою удачу.

МАКСИМ. Но сначала пришлось пройти огонь, воду и медные трубы. Деньги мне принесло изобретение, над которым я бился одиннадцать лет. Все эти годы я ужасно бедствовал. Жена, не выдержав нищеты и неопределенности, меня бросила.

ДРУГ. Да, я слышал.

МАКСИМ. Казалось, что надеяться уже не на что, но два года назад ко мне пришла вдруг пришла удача, и я получил за созданный мною прибор огромное вознаграждение. Огромное. Хватило бы на всю жизнь.

ДРУГ. И стал кутить по ресторанам и ездить по Европам?

МАКСИМ. Нет, сразу принялся разрабатывать новую идею, еще более грандиозную. Для этого пришлось создать свою собственную маленькую фирму, или, правильнее сказать, исследовательский центр, вложить в него немалые средства, набрать штат сотрудников. Но прежде я встретил красивую девушку, влюбился, женился и впервые за многие годы почувствовал себя по-настоящему счастливым.

ДРУГ. Вот это уже интереснее. Что за девушка? Небось, такая же умная и серьезная, как ты?

МАКСИМ. Нет, веселая и жизнерадостная. И она очень скрасила мне жизнь. Ведь до этого я долго был совершенно одинок.

ДРУГ. Ну, а как твой новый бизнес? Процветает?

МАКСИМ. Должен признаться, что дело пошло куда медленнее, чем я ожидал. Изобретать

в одиночку приборы оказалось легче, чем руководить фирмой. Контракты, патенты, справки, проверки, штрафы, чиновники...

ДРУГ. Надо было взять в штат хорошего юриста.

МАКСИМ. Я так и сделал. Мужик оказался очень деловым. Быстрым, хватким, толковым. Мы быстро подружились. Деньги я ему платил немалые, но без него одолеть городских бюрократов было не так-то просто. Я, по своей наивности, даже и не предполагал, что в нашей мэрии сидит только жуликов и вымогателей.

ДРУГ. Думаешь, только в вашей?

МАКСИМ. Мой адвокат тоже был этим возмущен, и у нас даже возникла идея выдвинуть его в депутаты, а то и в мэры. Хотелось, чтобы в мэрии был хотя бы один честный человек. Я его, конечно, поддержал, дал на это деньги, привлек друзей...

ДРУГ. Чего ты замолчал?

МАКСИМ. Давай сначала выпьем еще по одной?

ДРУГ. Давно пора.

Друзья пьют. Пауза.

Ну, так что же было дальше?

МАКСИМ. *(помрачнев.)* А дальше было вот что. Увлечшись своими идеями, делами фирмы и политикой, я не сразу заметил, что моя милая женушка мне изменяет. Я так в нее верил, что вообще бы этого не заметил, если бы не донесли добрые люди.

ДРУГ. В таких случаях добрые люди всегда находятся.

МАКСИМ. Это было для меня страшным ударом. Очень страшным...

ДРУГ. А может, это была просто грязная сплетня?

МАКСИМ. Я тоже так сначала подумал и, немного остыв, решил, прежде чем что-то предпринимать, сначала получить неопровержимые доказательства.

ДРУГ. А как их можно получить? Не нанимать же частных сыщиков.

МАКСИМ. Да это стыдно и противно. Я не спал три ночи и все же нашел способ.

ДРУГ. Какой?

МАКСИМ. Тот, которые мне более всего знаком: телекоммуникацию.

ДРУГ. Ты серьезно?

МАКСИМ. Вполне. Технические подробности объяснять не буду: главное, мне это удалось. Я как паук, сплел свою сеть, и моя красавица со своим любовником в нее попала. Все оказалось намного хуже, чем я думал.

ДРУГ. Что может быть хуже измены?

МАКСИМ. Выяснилось, что она хотела не просто бросить меня, но и полностью обобрать, и для этого тщательно разработала со своим дружком план. Может быть, я вел себя не очень красиво, устроив ей западню, но время показало, что я действовал правильно. Если бы у нее это получилось, я бы снова стал нищим, исследовательскую группу пришлось бы распустить, а моя идея так бы и осталась нереализованной, или кто-нибудь ее бы присвоил.

ДРУГ. И чем же всё закончилось?

МАКСИМ. Мы с женой расстались, научный центр удалось сохранить, разработка нового прибора не прекратилась. Вот, собственно, и вся история.

ДРУГ. А кто был ее любовником?

МАКСИМ. Да какая разница? Хватит об этом. Я же сказал тебе вначале: ничего интересного. Все как у всех.

Комментарии

Такой «диалог», конечно, уже много больше похож на пьесу, чем простой рассказ или «монодрама». Актеры могут сидеть, вставать, ходить, изображать любопытство, удивление и сожаление, курить (обычно, если актер не знает, что играть, а пожарники не запрещают, то он начинает курить: всё лучше, чем стоять столбом) и т.п. Самое главное, они могут вести какой-то эмоционально окрашенный разговор, который выглядит как вполне нормальная пьеса.

Однако у такого метода создания драм есть серьезный недостаток, и он очевиден. Не всякий диалог, даже если его произносят на сцене, есть драма. Подумайте сами: в исходной истории много интересных событий: любовь, расставание, измена, муки творчества. Ее персонажи терпят неудачи и добиваются успехов, страдают, радуются, предаются, интригуют... Но мы-то как раз этих персонажей и перипетий на сцене не видим, а видим только, как сидят два друга и мирно разговаривают. Настоящего действия, конфликта, напряжения между участниками диалога нет, есть только подача информации о том, что происходило где-то когда-то. Т.е. перед нами тот же рассказ, только замаскированный под драму (и мы даже не знаем, правдив ли этот рассказ). «Друг» вообще лишен характера, он просто подает реплики, чтобы рассказ был похож на диалог и не выглядел монотонным. Что прикажете играть актерам? Сидеть и пить водку? Стоило ли ради этого писать пьесу? Но автор часто искренне считает, что если в пьесе рассказывается о многих событиях, то, значит, в ней много действия. Еще хуже, если персонажи своими рассказами не развивают сюжет, а просто говорят «обо всем и ни о чем», на те или иные темы, может быть, интересные самому автору, но не имеющие отношения к делу и не продвигающие действие.

Такие куски хорошо или плохо замаскированного под пьесу рассказа малыми или большими порциями, с участием двух или нескольких персонажей, вкрапляются почти во все пьесы, он присутствует даже у классиков (но из этого вовсе не значит, что им следует в этом подражать, и что рассказом в драме можно злоупотреблять). Если уж рассказ присутствует в драме, он должен не просто нести информацию, но быть драматически и эмоционально насыщен и передавать напряжение между участниками диалога. К сожалению, разговоры вместо действия - беда многих нынешних пьес. Изысканный, или, наоборот, энергичный «современный» диалог со сленгом и крепкими выражениями не спасает пьесу от статичности и скуки.

Это стоило бы разъяснить более подробно, но пора перейти к следующему типу драмы.

Эпизоды»

Действующие лица

МАКСИМ
ЖАННА, его первая Жена
ЛЮДМИЛА, его вторая жена
АНДРЕЙ, адвокат
ГОСТЬ
БУХГАЛТЕР

1. Разрыв.

Тесная комнатка в квартире Максима. Максим, с паяльником в руках, мастерит прибор. Входит Жанна.

ЖАННА. Доброе утро.

МАКСИМ. Доброе утро. У нас есть что-нибудь пожевать? И чашечку бы кофе.

ЖАННА. Насчет пожевать не уверена, а кофе сейчас дам. Но сначала я бы хотела с тобой поговорить.

МАКСИМ. Может, сначала кофе?

ЖАННА. Сначала поговорить.

МАКСИМ. Я слушаю.

ЖАННА. Положи паяльник.

Максим оставляет работу. Пауза.

МАКСИМ. Ну, что же ты молчишь.

ЖАННА. Ты и так знаешь, что я хочу сказать.

МАКСИМ. Догадываюсь.

ЖАННА. Я устала от такой жизни.

МАКСИМ. Я знаю.

ЖАННА. Ты знаешь, но ничего не предпринимаешь.

МАКСИМ. Я работаю с утра до ночи.

ЖАННА. И что толку? Есть нечего, надеть нечего, комнату ты превратил в лабораторию, все завалено какими-то деталями, проводами и черт знает еще чем...

МАКСИМ. Я знаю, тебе трудно, но потерпи еще немного. Моим прибором уже заинтересовались крупные фирмы. Осталось только доделать кое-какие мелочи. Скоро наша жизнь изменится.

ЖАННА. Я слушаю эту сказку уже десять лет. Твое изобретение прекрасно, только оно почему-то его никто не хочет купить.

МАКСИМ. Не все так просто. Но когда его купят, за него дадут большие деньги.

ЖАННА. Денег у тебя, ни больших, ни маленьких, никогда не будет. Знаешь, почему? Потому что деньги тебя на самом деле не очень интересуют. Тебе важны твои идеи, сама работа. А я хочу жить. Просто жить, понимаешь?

МАКСИМ. Так что ты предлагаешь?

ЖАННА. Ничего. Я просто от тебя ухожу. Сегодня. Сейчас.

МАКСИМ. И есть, к кому?

ЖАННА. А это уж мое дело. Прощай. Кофе согрей себе сам. *(Уходит.)*

2. Гость

Несколько недель спустя Лаборатория Максима, но уже не квартире, а в полутемном подвале. Максим за работой. Входит Гость.

ГОСТЬ. Добрый день. Мы договаривались о встрече.

МАКСИМ. Да, проходите. *(Убирает с табуретки несколько деталей.)* Садитесь, пожалуйста.

ГОСТЬ. *(Оглядывая подвал.)* Я не пойму: вы здесь живете или работаете?

МАКСИМ. И то, и другое.

ГОСТЬ. Но ведь это подвал.

МАКСИМ. Ну и что?

ГОСТЬ. Ничего. Я предполагал, что ваш исследовательский центр занимает целый этаж и насчитывает десятки сотрудников.

МАКСИМ. Возможно, когда-нибудь так и будет.

ГОСТЬ. Если позволите, перейдем сразу к делу. Наша корпорация хочет купить ваше изобретение.

МАКСИМ. Откуда вы о нем знаете? Я предлагал его другой фирме.

ГОСТЬ. Да, нашим конкурентам. Но там у нас есть свой человек. Он и сообщил нам все подробности. Включая и цену, которую они хотят вам предложить. Но мы дадим вам больше.

МАКСИМ. Намного?

ГОСТЬ. Намного. Даже больше, чем намного.

МАКСИМ. Почему такая щедрость?

ГОСТЬ. Хотим опередить конкурентов. И, не буду скрывать: зачем отдавать им прибыль, которая может быть нашей? Кстати, а над чем вы сейчас работаете? Совершенствуете прибор?

МАКСИМ. Нет... У меня новая идея...

ГОСТЬ. Еще одна?

МАКСИМ. Вообще-то не одна, но одна действительно грандиозная. Настолько, что в одиночку ее не поднять.

ГОСТЬ. Может быть, поступите в нашу корпорацию, и мы поможем эту идею реализовать?

МАКСИМ. Звучит заманчиво... Но сначала я хотел бы поработать над ней сам.

ГОСТЬ. Что ж, если мы договоримся сейчас о цене, то у вас хватит средств нанять хоть три десятка людей и разрабатывать, что хотите.

МАКСИМ. Над этим стоит подумать.

ГОСТЬ. В делах надо действовать обдуманно, но быстро. Давайте прямо сегодня и заключим контракт.

МАКСИМ. Сегодня?

ГОСТЬ. Почему нет? У вас есть свой адвокат?

МАКСИМ. Адвокат?

ГОСТЬ. По вашему удивленному лицу я вижу, что его у вас нет. Что ж, тогда придется довериться нашим юристам. Согласны?

МАКСИМ. Да, конечно.

ГОСТЬ. Тогда поехали?

МАКСИМ. Поехали.

3. Знакомство с Людмилой

Максим в просторном, светлом, но почти пустом помещении. Невзрачный стол, два стула. У стен стремянки, ведра с краской. Входит Людмила - очень красивая девушка. Одета она в простое дешевое платье, но фигура ее безупречна.

ЛЮДМИЛА. Здравствуйте.

МАКСИМ. *(Несколько озадаченно.)* Здравствуйте.

ЛЮДМИЛА. Извините, я... Говорят, вашей фирме нужна секретарша.

МАКСИМ. Допустим, нужна. Присядьте. Как вас зовут?

ЛЮДМИЛА. Людмила.

МАКСИМ. Скажите, Людмила, а что вы умеете?

ЛЮДМИЛА. *(С искренним удивлением.)* А разве, чтобы быть секретаршей, надо что-то уметь?

МАКСИМ. А в чем, по-вашему, обязанности секретаря?

ЛЮДМИЛА. Ну... Встречать людей. Улыбаться. Говорить по телефону.

МАКСИМ. И что вы будете говорить?

ЛЮДМИЛА. Ну... Типа «он занят», иди «позвоните попозже» ...

МАКСИМ. А кроме того, надо владеть компьютером, составлять график встреч, вести деловую переписку и много еще чего.

ЛЮДМИЛА. Ой, а мне это и в голову не приходило! *(Смеется.)* Должно быть, я действительно бестолковая!

МАКСИМ. *(Невольно тоже смеется.)* Просто вы еще очень молоды.

ЛЮДМИЛА. *(Оглядывается комнату.)* А почему здесь так неуютно? Мне говорили, у вас фирма, а тут какой-то развал.

МАКСИМ. Вы же видите: идет ремонт. Мебель пока не доставлена. Да и фирма наша еще не зарегистрирована. А кем вы работали раньше?

ЛЮДМИЛА. Так, ничего особенного. Разносила почту, потом продавщицей в парфюмерном... В общем, ни пришей, ни пристегни. *(Снова смеется.)*

МАКСИМ. Вы замужем?

ЛЮДМИЛА. Нет, пока еще не испытала этого счастья.

МАКСИМ. Знаете, Людмила, скажу откровенно: в секретари вы не годитесь. Но позвоните мне как-нибудь на днях. Может быть, я для вас что-то придумаю.

4. В приемной мэра

Приемная мэра. Максим и его адвокат Андрей ждут приема. Максим явно устал от ожидания.

МАКСИМ. Когда же мэр нас наконец примет?

АНДРЕЙ. Успокойтесь, теперь уже скоро наша очередь.

МАКСИМ. Страшно подумать, сколько времени отнимает у нас бюрократия.

АНДРЕЙ. Бездну. Я думаю, если бы вы занимались своими исследованиями, а не ходьбой по инстанциям, вы бы уже стали нобелевским лауреатом.

МАКСИМ. Во всяком случае исследования продвигались бы намного быстрее.

АНДРЕЙ. Перестаньте нервничать. Я тоже не люблю тратить время впустую. А потому, раз нам поневоле выпала свободная минутка, давайте займемся нашими делами, благо

что их накопилось многое. *(Вынимает из кейса папку с документами.)* Во-первых, я подготовил контракты.

МАКСИМ. *(Берет документы.)* Что за контракты?

АНДРЕЙ. Разные. Тут и договора о поставках, и аренда, и прием на работу. Выверена каждая строчка, согласовано с бухгалтерией. Можете спокойно подписывать.

МАКСИМ. *(Подписывая.)* Спасибо. Как я раньше обходился без адвоката?

АНДРЕЙ. *(Доставая другую папку.)* А здесь бумаги поважнее. Мы основательно поработали с юристами из патентной группы. Оказывается, ваша идея, с ее особенностями и приложениями, позволяет получить не пять патентов, как вы предполагали, а по меньшей мере четырнадцать.

МАКСИМ. Прекрасно! Будем патентовать?

АНДРЕЙ. Будем. Но надо еще раз тщательно проверить в юридическом и техническом отношении каждую формулировку, иначе потом ваши исключительные права могут быть нарушены. Попросту говоря, изобретение могут стянуть. Но имейте в виду: подача и регулярная оплата патентов будет стоить многие десятки тысяч. Зато потом они могут принести сотни миллионов.

МАКСИМ. В разработках всегда так: сначала только вкладываешь и тратишь, а прибыли можно и не дожидаться.

АНДРЕЙ. Кстати, должен вас упрекнуть. Вы считаете, что первое свое изобретение продали за хорошие деньги, а на самом деле, можно было за него получить раз в пять больше. Жаль, что тогда меня не было рядом с вами.

МАКСИМ. Спасибо за все. Я считаю вас настоящим другом.

АНДРЕЙ. Это мне надо вас благодарить. Быть юрисконсультom вашей фирмы - это большая честь. Благодаря этой работе я вышел на определенный уровень, появились связи, расширился кругозор, возрос авторитет. И самое главное, одно то, что я работаю с таким человеком, как вы, вызывает у людей уважение. Я горжусь дружбой с вами.

МАКСИМ. *(С чувством пожимая руку.)* Спасибо.

АНДРЕЙ. *(Улыбаясь.)* К тому же, вы платите мне щедрую зарплату.

МАКСИМ. Не будем об этом... *(Взглянув на часы.)* Когда же этот чиновник соизволит нас принять?

АНДРЕЙ. Расслабьтесь, отдыхайте. постарайтесь думать о чем-нибудь другом.

АНДРЕЙ. Я привык думать только о деле.

МАКСИМ. Мне кажется, вам, с вашим талантом и размахом работ, ни пристало ходить по кабинетам. У меня ведь есть ваша доверенность, и я все мелкие вопросы могу решать сам. А важные будем согласовывать с вами.

МАКСИМ. Хорошая мысль.

МАКСИМ. Вот, например, сейчас: по-вашему, этот мэр так сразу и решит наше дело? Ничего подобного. Скажет, что надо подумать, или что надо изучить вопрос в комиссии, или направит в какой-нибудь отдел, или пошлет на экспертизу, или придумает еще что-нибудь...

АНДРЕЙ. Это уж как водится.

АНДРЕЙ. Чтобы начальник сдвинул дело с места, нужно его то что называется «заинтересовать».

МАКСИМ. Я знаю. Но всех заинтересовывать, - сам без штанов останешься. Нам и так уже пришлось «заинтересовать» пожарную инспекцию, архитектора, санэпидстанцию, милицию, отдел госимущества и бог весть еще кого. Интересно, есть в мэрии хоть один не берущий чиновник?

АНДРЕЙ. Я тоже часто задаю себе тот же вопрос. Поверите ли, иногда самому хочется выдвинуть свою кандидатуру в депутаты.

МАКСИМ. *(Задумчиво.)* Неплохая идея. По крайней мере, тогда в городском совете будет

хоть один честный человек.

АНДРЕЙ. Да нет, я пошутил. Это совершенно нереально.

МАКСИМ. Почему?

АНДРЕЙ. Чтобы раскрутить кандидата, нужны большие деньги.

МАКСИМ. Ну, я и мои друзья вас поддержим. Надо оздоровлять город.

АНДРЕЙ. Вы серьезно?

МАКСИМ. Почему нет? Когда ближайшие выборы?

АНДРЕЙ. Кажется, месяцев через восемь.

МАКСИМ. Вот и прекрасно. Сделаем из вас мэра.

АНДРЕЙ. Ну, на мэра мне еще замахиваться рано, разве что в депутаты. Нельзя же так сразу, с нуля...

МАКСИМ. Бывает, люди с нуля выставляют себя даже в президенты – и ничего, побеждают. Попробуем победить и мы. *(Встает.)* Знаете, что? Я, в самом деле, пойду, пожалуй, сейчас домой и проверю патентные заявки прямо сегодня. А вы уж тут разберитесь без меня.

АНДРЕЙ. Хорошо. Всего доброго. Передавайте привет супруге.

МАКСИМ. Людмила сейчас в Ницце.

АНДРЕЙ. Одна? Без вас?

МАКСИМ. Я не смог поехать – дела. А ей захотелось погреться. Я не стал возражать: пусть немного развлечется.

5. Встреча с бухгалтером

Несколько месяцев спустя. В кабинет Максима входит женщина-бухгалтер с пачкой документов в руках.

БУХГАЛТЕР. Разрешите?

МАКСИМ. Входите, входите! Для главного бухгалтера дверь в мой кабинет всегда открыта.

БУХГАЛТЕР. Но сейчас ее лучше закрыть. И поплотнее.

МАКСИМ. Почему такой таинственный тон?

БУХГАЛТЕР. Есть разговор. *(Садится и протягивает Максиму один из документов.)*

Скажите, вам знакомо это платежное поручение?

МАКСИМ. *(Бросив взгляд на документ.)* Нет.

БУХГАЛТЕР. Но оно вами подписано.

МАКСИМ. Нам с вами приходится ежедневно подписывать десятки и сотни документов.

Может, я в спешке что-то и подмахнул не глядя. Приносят кипу бумаг, ну и... Знаете, как это бывает...

БУХГАЛТЕР. Знаю. Но вы обратили внимание на сумму, которую вами поручено перевести?

МАКСИМ. *(Еще раз проглядывая документ.)* Ого!

БУХГАЛТЕР. В том-то и дело, что «ого!». Это точно ваша подпись?

МАКСИМ. Моя... Хотя... Не знаю.

БУХГАЛТЕР. В последнее время такого рода платежки стали приходиться от вас довольно часто. Но они были на сравнительно небольшие суммы, и я не хотела беспокоить вас по пустякам. Но когда я увидела эти цифры, то прежде чем переводить деньги, решила посоветоваться с вами.

МАКСИМ. Правильно сделали. Мне впредь надо быть внимательнее. А пока надо разобраться, кто и зачем подсунил мне на подпись этот документ. Что вы по этому

поводу думаете?

БУХГАЛТЕР. У меня есть подозрение... Вернее, предположение... Вернее, мнение... Не знаю, как сказать...

МАКСИМ. Ну, говорите.

БУХГАЛТЕР. (*Уклончиво.*) Но у меня, право, нет никаких оснований что-либо утверждать...

МАКСИМ. Перестаньте темнить. В чем дело?

БУХГАЛТЕР. Максим, вы мой начальник, я ваш бухгалтер, но мы еще и старые друзья, не так ли?

МАКСИМ. Да, конечно. Зачем эти предисловия?

БУХГАЛТЕР. И как друг я тебе советую... как бы это сказать... Только не сердись...

МАКСИМ. Короче.

БУХГАЛТЕР. Короче, присмотришься внимательнее к поведению твоей жены.

МАКСИМ. (*В шоке.*) Что ты имеешь в виду?

БУХГАЛТЕР. Я выразилась довольно ясно.

МАКСИМ. Ты забываешься. Моя личная жизнь никого не касается.

БУХГАЛТЕР. Я сказала, что я вам не только бухгалтер, но и друг. С другой стороны, я вам не только друг, но и бухгалтер. Я отвечаю за денежное благополучие вашей фирмы и за будущее вашего проекта. И оно находится под угрозой. Да и твое личное благополучие, Максим, тоже.

МАКСИМ. Объясни!

БУХГАЛТЕР. Я и так сказала достаточно.

МАКСИМ. Предъяви доказательства!

БУХГАЛТЕР. У меня нет доказательств. Но, поверь, со стороны виднее. А решать и предпринимать можешь только ты. Если захочешь. А теперь снова перейдем на «вы». (*Идет к двери, останавливается.*) Но только действуйте не торопясь и очень осторожно. Вы в опасности. (*Выходит.*)

6. Объяснение

Две недели спустя. Просторная, красиво обставленная комната в доме Максима. Он сидит у ноутбука. Входит Людмила в эффектном утреннем пеньюаре.

ЛЮДМИЛА. (*Целует Мужа.*) Привет, дорогой. А ты, как всегда, с самого утра работаешь?

МАКСИМ. Привет. Вообще-то, сейчас уже полдень.

ЛЮДМИЛА. Да? Значит, я, как обычно, немножко заспалась. А ты опять не в настроении?

Уже недели две ты какой-то смурной. И работаешь даже больше, чем всегда. Что-нибудь случилось?

МАКСИМ. Нет, всё нормально. Просто пришлось реализовать новый проект.

ЛЮДМИЛА. Ну, и как? Успешно?

МАКСИМ. Успешно.

ЛЮДМИЛА. Вот и хорошо. Пойду приведу себя в порядок и побегу.

МАКСИМ. Куда опять?

ЛЮДМИЛА. Мне надо съездить в одно место. (*Одеваясь, продолжает разговор с мужем из спальни.*) Какие новости?

МАКСИМ. Всё то же. Продолжается городская предвыборная гонка. Опубликован рейтинг кандидатов.

ЛЮДМИЛА. *(Из спальни.)* Ну, и каковы шансы у твоего друга?

МАКСИМ. Неплохие. Если ничего не случится, станет депутатом. А там, глядишь, и мэром.

ЛЮДМИЛА. *(Из спальни.)* А что может случиться?

МАКСИМ. *(Пожимая плечами.)* Всё, что угодно. Политика вещь непредсказуемая.

ЛЮДМИЛА. *(Из спальни.)* Ты его еще финансируешь?

МАКСИМ. В последнее время почти нет.

ЛЮДМИЛА. Напрасно. Если он будет избран, то всё с лихвой тебе вернет.

МАКСИМ. Он и так стоит крепко. И всё потому, что выбрал простой правильный лозунг: «Моя программа – честность!». Остальные кандидаты дают обещания, говорят о реформах, публикуют длинные скучные программы, а он повторяет только одно слово: «честность». А в наше время, когда все обманывают и воруют, люди истосковались по честности.

Жена кончает одеваться и выходит, нарядная и накрашенная.

ЛЮДМИЛА. Вот я и готова.

МАКСИМ. Ты шикарно выглядишь.

ЛЮДМИЛА. Спасибо.

МАКСИМ. Так куда ты собралась на этот раз?

ЛЮДМИЛА. Сказать честно, мне просто хочется погонять на новой машине. С тех пор, как ты мне ее подарил, меня все время тянет покататься. Не знаю, как я жила без нее раньше.

МАКСИМ. У тебя и раньше была машина.

ЛЮДМИЛА. Разве можно сравнить эту машину с прежней? Эти две недели я чувствую себя королевой. Роскошный джип, такой, о котором я мечтала: мягкие сиденья, тонированные стекла, занавески... Просто дом на колесах. *(Подходит к нему и целует.)* Не хочу отвлекать тебя от дела. Ты ведь, наверное, как всегда, очень занят. *(Берет ключи от машины.)* Ну, я пошла.

МАКСИМ. Ты очень торопишься?

ЛЮДМИЛА. *(Поколебавшись, кладет телефон, сумочку и ключи на стол и садится.)* Нет, не очень. К тому же, я хочу с тобой поговорить.

МАКСИМ. О чем?

ЛЮДМИЛА. Ну... О разном.

МАКСИМ. Что ж, давай поговорим.

Пауза.

ЛЮДМИЛА. Знаешь, я подумала... Машину ты подарил просто чудесную... Но ведь она записана на тебя?

МАКСИМ. На меня, конечно. Ведь я ее покупал.

ЛЮДМИЛА. Так, выходит, она не моя?

МАКСИМ. Почему не твоя? Ведь ею пользуешься ты, а не я.

ЛЮДМИЛА. А я бы хотела, чтобы она была по-настоящему моя. И вообще...

МАКСИМ. Что «вообще»?

ЛЮДМИЛА. Почему бы нам с тобой не заключить брачный договор? Говорят, теперь это в моде.

МАКСИМ. Я за модой не слежу. Какой ты хочешь договор?

ЛЮДМИЛА. Это такой документ... Типа раздела имущества. В нем будет расписано, кому из нас что принадлежит.

МАКСИМ. Зачем тебе это нужно? Тебе чего-нибудь не хватает?

ЛЮДМИЛА. Нет, но... Например, в случае развода нам не нужно будет ссориться и

торговаться. Что твое – твое, а что мое – мое.

МАКСИМ. Очень разумно. А ты собираешься со мной разводиться?

ЛЮДМИЛА. Нет, конечно, но вдруг ты надумаешь меня бросить? И вообще, мало ли что...

МАКСИМ. Ну, хорошо. И как же ты хочешь делить имущество?

ЛЮДМИЛА. Не знаю... Я думаю, как обычно делят имущество между мужем и женой.

Жена получает половину.

МАКСИМ. А что ты понимаешь под нашим имуществом?

ЛЮДМИЛА. Эту квартиру, наш загородный дом, счета в банках... Ну и, конечно, нашу фирму.

МАКСИМ. «Нашу»? Ты считаешь, что фирма – это тоже наше общее имущество?

ЛЮДМИЛА. Так считает мой адвокат.

МАКСИМ. У тебя уже есть свой адвокат?

ЛЮДМИЛА. *(Чуть смешаясь.)* Ну, не то чтобы мой... Просто знакомый адвокат. Я случайно с ним разговорилась, и он мне объяснил.

МАКСИМ. Если ты заберешь из фирмы половину капитала, она или лопнет, или перейдет в другие руки. Я буду разорен. Дело всей моей жизни пойдет насмарку.

ЛЮДМИЛА. Когда ты закончишь этот свой новый прибор?

МАКСИМ. Не знаю. Может быть, никогда. Пока я только трачу на него деньги, но ничего не получаю. В таких делах результат предсказать трудно.

ЛЮДМИЛА. Вот, видишь?

МАКСИМ. Что «видишь»?

ЛЮДМИЛА. А то, что ты опять можешь разориться. Тебя это не волнует, для тебя главное в жизни – работа, а для меня уверенность в благополучии очень важна. Так что лучше разделить имущество сейчас.

МАКСИМ. Я не совсем понимаю: мы пока только делим имущество, или уже разводимся?

ЛЮДМИЛА. С чего ты взял? Я о разводе не сказала ни слова.

МАКСИМ. Почему же ты тогда так торопишься с разделом? Разве я тебе когда-нибудь в чем-то отказывал?

ЛЮДМИЛА. Я же тебе объяснила: просто мне хочется чувствовать себя независимой. И я вовсе не тороплюсь. Не обязательно делать это прямо сейчас. Можно и завтра. Или сегодня вечером.

МАКСИМ. Скажи, у тебя кто-то есть?

ЛЮДМИЛА. Нет, конечно.

МАКСИМ. Честное слово?

ЛЮДМИЛА. Клянусь тебе. Ты же знаешь, как я тебя люблю. *(Обнимает его.)*

МАКСИМ. Я знаю.

ЛЮДМИЛА. Правда, иногда мне кажется, что мы друг другу не подходим.

МАКСИМ. Вот как?

ЛЮДМИЛА. Ну, подумай сам. Я молодая симпатичная женщина, а ты специалист в этом... как его... в теле... никак не могу запомнить...

МАКСИМ. В телекоммуникациях.

ЛЮДМИЛА. Да, в телекоммуникациях. Все время забываю, что это такое... Когда мы поедем к нотариусу, сегодня или завтра?

МАКСИМ. Ты ставишь меня в безвыходное положение. Подумай хорошенько. Как бы потом не пожалеть.

ЛЮДМИЛА. О чем мне жалеть?

МАКСИМ. Это твое последнее слово?

Людмила молчит.

Что ж, говорить нам больше не о чем.

ЛЮДМИЛА. *(Помолчав.)* Тем лучше. *(Берет телефон, сумочку и тянется к ключу от машины.)*

МАКСИМ. Ключ от машины оставь.

ЛЮДМИЛА. Почему?

МАКСИМ. Она не твоя.

ЛЮДМИЛА. Но мы ведь еще не поделили имущество.

МАКСИМ. Насчет имущества сходи к нотариусу одна, без меня. Он тебе все объяснит.

ЛЮДМИЛА. Ну и пойду! *(Выходит.)*

7. Свидание любовников

Скамейка в городском саду. Андрей нетерпеливо ждет назначенной им встречи. Ему, однако, не сидится на скамье, он то и дело вскакивает и прохаживается взад-вперед, поглядывая на часы. Появляется Людмила.

АНДРЕЙ. *(Оглянувшись, торопливо целует ее.)* Наконец-то! Ты же знаешь, мне дорога теперь каждая минута. Почему ты опоздала?

ЛЮДМИЛА. Долго не была автобуса.

АНДРЕЙ. Ты разве не на машине?

ЛЮДМИЛА. Нет. Как дела?

АНДРЕЙ. Отлично! Судя по опросам, я уже без пяти минут депутат.

ЛЮДМИЛА. Поздравляю. Зачем ты меня вызвал? Поделиться радостью?

АНДРЕЙ. Какая там радость? Послезавтра выборы, а у меня ни копейки денег. В решающий этап гонки я парализован.

ЛЮДМИЛА. Но осталось-то всего два дня.

АНДРЕЙ. День выборов стоит столько, сколько вся предыдущая кампания. Надо платить за листовки, за транспорт, активистам, газетам, телевидению, дежурным на участках и черт знает еще кому. Знаешь, что такое выборы? Деньги, деньги, и еще раз деньги.

ЛЮДМИЛА. А почему ты не оставил на этот день резерв?

АНДРЕЙ. Потому что рассчитывал на решающий перевод от фирмы. Ты не знаешь, почему он не поступил?

ЛЮДМИЛА. Не знаю.

АНДРЕЙ. А ты не можешь это как-то срочно выяснить?

ЛЮДМИЛА. Нет.

АНДРЕЙ. Но для меня это вопрос жизни и смерти!

ЛЮДМИЛА. Ты меня для этого и позвал?

АНДРЕЙ. *(Пытается говорить мягко.)* Нет, конечно, не только для этого... Я просто очень соскучился.

ЛЮДМИЛА. *(С едва заметной иронией.)* Ну, тогда обними меня.

АНДРЕЙ. *(Снова оглядываясь.)* Но здесь же люди! Почему ты выбрала такое открытое место? Нас могут увидеть.

ЛЮДМИЛА. Мне теперь все равно. Я решила от него уйти.

АНДРЕЙ. Уйти?! *(Пытается переварить эту новость.)* Но мы еще не отсудили от него имущество.

ЛЮДМИЛА. Судиться не буду. Уйду сегодня.

АНДРЕЙ. Перед самыми выборами?! Ты с ума сошла!

ЛЮДМИЛА. При чем тут выборы?

АНДРЕЙ. При том, что нам нужны деньги! А достать их можешь только ты - через бухгалтера или через Максима!

ЛЮДМИЛА. Так тебе нужна я или деньги?

АНДРЕЙ. *(Снова взяв себя в руки и сменив тон.)* Конечно, ты... Но деньги тоже нужны. Я тебя очень прошу... Вот, победим на выборах, расплатимся с долгами, и тогда...

ЛЮДМИЛА. Что тогда?

АНДРЕЙ. Ну... Тогда обсудим наши личные планы.

ЛЮДМИЛА. И ты на мне женишься?

АНДРЕЙ. Да, конечно... Но, во-первых, как ты знаешь, я женат. Во-вторых, дети... В-третьих, мое новое общественное положение...

ЛЮДМИЛА. *(Прерывая.)* Можешь не продолжать. Короче – не женишься.

АНДРЕЙ. Нет, ты не думай, я не против. Но только решать это надо не сегодня и не завтра. Сначала надо выиграть выборы. Вытащи из Максима деньги, и у нас все с тобой будет чудесно.

ЛЮДМИЛА. Не могу.

АНДРЕЙ. Точно не можешь?

ЛЮДМИЛА. Точно.

АНДРЕЙ. Но почему?

ЛЮДМИЛА. Не могу, и всё.

Андрей явно теряет к встрече интерес.

АНДРЕЙ. Тогда извини, мне пора. *(Бросает взгляд на часы.)* У меня еще сегодня совещание в штабе, недописанная статья, три выступления в разных местах и диспут по телевизору.

ЛЮДМИЛА. С лозунгом «Моя программа – честность!»

АНДРЕЙ. Естественно.

Андрей хочет уйти, Людмила удерживает его за руку.

ЛЮДМИЛА. А если я достану деньги?

АНДРЕЙ. *(Оживляясь.)* Правда, достанешь? Сегодня? Сколько?

ЛЮДМИЛА. Нисколько. Пошутила. Беги. На совещание, на телевидение, к своей жене - куда хочешь.

АНДРЕЙ. *(Зло.)* Ты пришла сюда надо мной издеваться?

ЛЮДМИЛА. Нет, просто на тебя посмотреть. И окончательно убедиться, что тебе от меня нужны только деньги.

АНДРЕЙ. А ты что – любви захотела? Замуж собралась? Можно подумать, сама в меня так уж влюблена. Да и вообще, кто ты такая, чтобы выходить за меня замуж?

ЛЮДМИЛА. Я красивая женщина, этого достаточно.

АНДРЕЙ. Извини меня, но быть просто пикантной длинноногой девкой недостаточно, чтобы стать женой мэра. Таких приглашают в баню, а не в загс.

ЛЮДМИЛА. Уже не себя ли ты считаешь будущим мэром?

АНДРЕЙ. А почему нет? У меня есть все шансы.

ЛЮДМИЛА. Тогда слушай. У тебя никаких шансов. Я вовсе и не собиралась брать в мужа женатого неудачника, да еще с выводком детей. Полюбовалась тобой во всей красе, и хватит. И вот тебе мой совет: снимай сегодня же, сейчас же свою кандидатуру и затаись где-нибудь поглубже. А еще лучше, беги отсюда, а то, неровен час, и в тюрьму загремишь. И меня заодно туда затанешь.

АНДРЕЙ. *(Оторопев.)* Но что случилось?

ЛЮДМИЛА. Беги, тебе говорят!

АНДРЕЙ. Но почему?

ЛЮДМИЛА. Потому что Максим все знает. И он, если захочет, нас уничтожит.

КОНЕЦ

Комментарии

Это уже настоящая пьеса (напоминаю – сейчас мы говорим не о качестве драматургии, а о принципах драмосложения). Исходная история представлена в ней в виде цепочки эпизодов, отделенных друг от друга временем и пространством (конечно, не обязательно давать эпизодам заголовки и нумеровать их: изменение места и времени действия достаточно указать лишь ремарками). Такие свободно построенные пьесы называют иногда драмами «шекспировского типа». Конструировать пьесу эпизодами из исходного рассказа относительно просто.

Все основные герои появились на сцене, мы их видим и слышим, можем сами составить о них мнение. Представлены узловые события истории и развитие ее во времени (а передать протяженность событий драме особенно трудно, потому что счет времени в ней идет на минуты). Задача драматурга - с предельной тщательностью выбрать для показа ключевые и самые выигрышные в театральном отношении отрезки из жизни своих героев. Все неважное должно быть отсечено.

При одном и том же сюжете пьеса может состоять из совершенно разных картин и включать разных персонажей. Например, в нашем случае можно добавить в получившуюся пьесу картину свадьбы Людмилы и Максима. Это будет очень выигрышная для театра сцена: счастливый жених, красавица невеста, роскошные платья и костюмы гостей, бал, музыка, танцы (столь любимые ныне режиссерами драмтеатра), нарядное оформление праздника.

Просится в пьесу и первое интимное свидание Людмилы со своим любовником: сейчас ни один спектакль в приличном театре не обходится без сексуальных сцен.

Можно добавить картину бурной деятельности выборного штаба Андрея с ее всевозможными уловками, ухищрениями, комбинациями, подкупами, обманами избирателя и пр.

И наоборот: можно убрать сцену с бухгалтером, потому что ее легко заменить просто упоминанием об измене и подлоге. Эпизоды ухода первой жены и прихода Гостя из корпорации можно объединить в одну сцену. Это будет даже динамичнее и эффектнее: жена покидает мужа, а через десять минут ему предлагают миллионы, в которые уже никто не верил.

Возможны и другие варианты.

Пожалуй, в определении зрительного ряда, в отборе тех событий, которые будут показываться и играть на самой сцене, а не излагаться в рассказах, и состоит искусство драматурга.

У пьес со свободной конструкцией немало достоинств, но есть и серьезные недостатки (особенно, если неумело пользоваться той свободой, которую дает эпизодная структура: шекспировская свобода еще не означает шекспировского уровня).

В нашем случае, например, ни одна сцена не имеет настоящего развития (правда, не будем забывать, что данная короткая пьеса – лишь образец, модель для изучения). Нет времени и возможности очертить характеры героев. Персонажей, кстати, больше, чем нужно, некоторые из них появляются лишь в одной сцене и никак не связаны с другими героями, они просто выпадают из действия. Мы не знаем, например, что из себя

представляют Друг, Жанна, Гость, Бухгалтер. Да и о характере главного героя мы не можем сказать ничего, кроме того, что он трудоголик. Действие, послушно следуя «истории», без особой нужды, ради одного лишь правдоподобия, непомерно растягивается во времени и суетливо переносится с одного места в другое, сбивая с толку зрителя и создавая театру ненужные технические трудности. Конечно, можно более тщательно разработать каждый эпизод, выпуклее очертить характеры персонажей, но это может только запутать зрителя, если мы не свяжем всех героев и все события единством темы, а не будем стараться в одной пьесе рассказать обо всем на свете.

В этом варианте пьесы всего семь эпизодов и шесть персонажей, она достаточно легка для восприятия. Но нередко авторы дробят свою пьесу на десятки мелких кусочков, не связанных между собой единством темы. Чрезмерная разорванность на куски, вызванная погоней за правдоподобием, нарушает цельность драмы и отрицательно сказывается на ее качестве. Более того, иногда авторы без особой нужды совершают такие скачки действия из одного времени и места в другое намеренно. Так обычно происходит, если в пьесе берет верх «тенденция натурализма к эпизодичности, которая представляет собой не что иное, как тенденцию к бесцельному блужданию, к утрате нити повествования, вообще ко всякой бесформенности» (Э. Бентли, «Жизнь драмы»).

В самой эпизодности драмы нет криминала. Теоретически ничто не препятствует драматургу изменять время и место действия столько раз, сколько ему угодно; однако он должен доказать свое право на это. Ведь перенос действия из одной пространственно-временной точки в другую, это не просто механическая операция помещения героев в правдоподобную среду, а способ конструирования драмы и развития действия, часть создания образной системы. Время и пространство имеют в драме прежде всего игровое значение, они должны быть действующими, участвовать в движении сюжета и реализации замысла, создавать атмосферу, помогать актерам создавать образы и сами быть образами. Природа, интерьер, мебель, вещи, шум ветра, звон часов — все действует у хорошего драматурга. Драма не может и, главное, не должна подражать рассказу в его свободном обращении со временем и пространством. Неоправданное нарушение цельности и организованности драмы может лишь отнять у нее художественные достоинства, не приблизив к жизненной правде.

Сама наша пьеса в этом варианте, если взглянуть на нее шире, так и осталась «историей», повествованием, биографией, цепью протяженных разнородных событий: длительная работа над изобретением, конфликт и расставание с первой женой, долгожданный успех, новая женитьба, создание и расцвет фирмы, дружба с адвокатом, вовлечение в политическую жизнь города, измена второй жены, измена друга... Слишком много всего, всему уделено почти равное внимание — так о чем же, собственно, пьеса? О любви? измене? предательстве? О проблемах брака и развода? О том, что надо более тщательно выбирать себе спутника жизни? О бюрократах и казнокрадах? О радости творчества? О пути к успеху? О том, что чрезмерное увлечение работой губит семейное счастье? Нет цельной темы, цельной идеи, цельного конфликта — короче, нет единства действия. В этом главная беда пьесы. В ней нет хорошо заведенной пружины, толкающей действие вперед. Развитие идет скорее во времени, чем в нарастании конфликта.

Истории такого типа более подходят для сценария (ведь киносценарий по своей сущности стоит где-то посередине между драмой и повествованием, но ближе к последнему).

Однако нельзя превращать упражнения в драматургии в монографию о драматургии, тем более что она у меня уже написана (Валентин Красногоров. «Четыре стены и одна страсть»). Рассмотрим следующий вариант драмы.

Единое действие»

Действующие лица:

МАКСИМ

ЛЮДМИЛА, его жена

Может быть задействован еще один персонаж – виртуальный.

Комната в доме Максима и Людмилы. Максим работает у компьютера. Входит Людмила – молодая, красивая женщина в роскошном утреннем пеньюаре.

ЛЮДМИЛА. *(Целуя Максима.)* Привет, дорогой. А ты, как всегда, с самого утра работаешь?

МАКСИМ. Привет. Вообще-то, сейчас уже полдень.

ЛЮДМИЛА. Да? Значит, я, как обычно, немножко заспалась. Пойду приведу себя в порядок.

МАКСИМ. Сделать тебе завтрак?

ЛЮДМИЛА. Нет, я только выпью кофе и побегу.

МАКСИМ. Куда опять?

ЛЮДМИЛА. Мне надо съездить в одно место. Но сначала я должна позвонить.

Людмила выходит. Максим начинает готовить кофе. Людмила, одеваясь, продолжает разговор с мужем из спальни.

Какие новости?

МАКСИМ. Всё то же. Продолжается городская предвыборная гонка. Опубликован рейтинг кандидатов.

ЛЮДМИЛА. *(Из спальни.)* Ну, и каковы шансы у твоего друга?

МАКСИМ. Неплохие. Если ничего не случится, станет депутатом. А там, глядишь, и мэром.

ЛЮДМИЛА. *(Из спальни.)* А что может случиться?

МАКСИМ. *(Пожимая плечами.)* Всё, что угодно. Политика вещь непредсказуемая.

ЛЮДМИЛА. *(Из спальни.)* Ты его еще финансируешь?

МАКСИМ. В последнее время почти нет.

ЛЮДМИЛА. Напрасно. Если его выберут, то он всё с лихвой тебе вернет. И вообще будет тебе полезен. Раз уж начал ему помогать, так поддерживай до конца.

МАКСИМ. Он и так стоит крепко. И всё потому, что выбрал простой правильный лозунг: «Моя программа – честность!». Остальные кандидаты дают обещания, говорят о реформах, публикуют длинные скучные программы, а он повторяет только одно слово: «честность». А в наше время, когда все обманывают и воруют, люди истосковались по честности.

Людмила заканчивает одеваться и выходит, нарядная и накрашенная.

ЛЮДМИЛА. Вот я и готова.

МАКСИМ. *(Ставит на стол чашку с дымящимся кофе.)* Садись, пей.

ЛЮДМИЛА. Спасибо. *(Пьет кофе.)*

МАКСИМ. Ты шикарно выглядишь.

ЛЮДМИЛА. Спасибо.

МАКСИМ. Так куда ты собралась на этот раз?

ЛЮДМИЛА. Сказать честно, мне просто хочется погонять на новой машине. С тех пор, как ты мне ее подарил, меня все время тянет покататься. Не знаю, как я жила без нее до сих пор.

МАКСИМ. У тебя и раньше была машина.

ЛЮДМИЛА. Разве можно сравнить эту машину с прежней? В этой я чувствую себя королевой. Роскошный джип, такой, о котором я мечтала: просторный, мощный, красивый, удобный. Мягкие сиденья, тонированные стекла, занавески... Ты все предусмотрел. Просто дом на колесах. Я везде хвастаюсь и всем говорю, что это твой подарок. И все умирают от зависти.

МАКСИМ. Уже всем показала?

ЛЮДМИЛА. Нет, конечно. Да и прошло-то всего две недели. Вот и хочется поездить. Спасибо тебе еще раз. *(Подходит к нему и горячо целует.)*

МАКСИМ. Пустяки. Хочешь, прокатимся вместе? Поедем за город, посидим где-нибудь в ресторане...

ЛЮДМИЛА. Не хочу тебя отвлекать. Ты ведь, наверное, как всегда, очень занят?

МАКСИМ. Да нет, не очень... Правда, у меня назначена встреча, но можно ее перенести.

ЛЮДМИЛА. Не стоит из-за меня откладывать дела. Да я и отлучусь совсем ненадолго. *(Целует мужа.)* Ну, я пошла. До скорого.

МАКСИМ. Пока.

Людмила наскоро подкрашивает губы, достает из сумочки ключ от машины и уходит, однако скоро возвращается.

ЛЮДМИЛА. Забыла телефон. *(Ищет и находит свой телефон.)* Я поехала.

МАКСИМ. Будь осторожна. Когда едешь на большой мощной машине, забываешь об опасности. Появляется обманчивое пьянящее чувство свободы.

ЛЮДМИЛА. Разве это плохо - чувство свободы?

МАКСИМ. Это прекрасно. Но оно должно быть связано с сознанием ответственности, чего как раз людям обычно не хватает.

ЛЮДМИЛА. Извини, но ты бываешь иногда немножко нудным.

МАКСИМ. Я знаю. Прости.

ЛЮДМИЛА. *(Еще раз целует мужа.)* До скорого.

МАКСИМ. Пока.

Людмила приветственно машет рукой мужу и торопливо уходит, набирая номер на клавишах телефона. Оставшись один, Максим подходит к компьютеру, надевает наушники и, оперируя мышью и клавиатурой, выбирает нужную программу. Возвращается Людмила. Выражение ее лица изменилось, стало серьезным и озабоченным. Максим снимает наушники.

Ты уже съездила? Так быстро?

ЛЮДМИЛА. Я не поехала.

МАКСИМ. Почему?

ЛЮДМИЛА. Передумала. *(Кладет телефон, сумочку и ключи на стол и садится.)* Кроме того, мне надо с тобой поговорить.

МАКСИМ. О чем?

ЛЮДМИЛА. Ну... О разном.

МАКСИМ. Разговор будет долгий?

ЛЮДМИЛА. Не знаю. Думаю, не очень.

МАКСИМ. Что ж, давай поговорим.

Пауза.

ЛЮДМИЛА. Знаешь, я подумала... Машину ты подарил просто чудесную... Но ведь она записана на тебя?

МАКСИМ. На меня, конечно. Ведь я ее покупал.

ЛЮДМИЛА. Так, выходит, она не моя?

МАКСИМ. Почему не твоя? Ведь ею пользуешься ты, а не я.

ЛЮДМИЛА. А я бы хотела, чтобы она была по-настоящему моя. И вообще...

МАКСИМ. Что «вообще»?

ЛЮДМИЛА. Почему бы нам с тобой не заключить брачный договор? Говорят, теперь это в моде.

МАКСИМ. Я за модой не слежу. Какой ты хочешь договор?

ЛЮДМИЛА. Это такой документ... Типа раздела имущества. В нем будет расписано, кому из нас что принадлежит.

МАКСИМ. Зачем тебе это нужно? Тебе чего-нибудь не хватает?

ЛЮДМИЛА. Нет, но... Например, в случае развода нам не нужно будет ссориться и торговаться. Что твое – твое, а что мое – мое.

МАКСИМ. Очень разумно. А ты собираешься со мной разводиться?

ЛЮДМИЛА. Нет, конечно, но вдруг ты надумаешь меня бросить? И вообще, мало ли что...

МАКСИМ. Ну, хорошо. И как же ты хочешь делить имущество?

ЛЮДМИЛА. Не знаю... Я думаю, как обычно делят имущество между мужем и женой.

МАКСИМ. А как обычно они его делят?

ЛЮДМИЛА. По справедливости.

МАКСИМ. По справедливости – это как?

ЛЮДМИЛА. Жена получает половину.

МАКСИМ. Половину чего?

ЛЮДМИЛА. Половину имущества.

МАКСИМ. Половину того, что они вместе нажили, или половину всего?

ЛЮДМИЛА. А это разве не одно и то же?

МАКСИМ. Не всегда. Что, например, мы с тобой нажили вместе?

ЛЮДМИЛА. Всё.

МАКСИМ. А что конкретно ты понимаешь под этим «всё»?

ЛЮДМИЛА. Всё – это всё.

МАКСИМ. Например?

ЛЮДМИЛА. Например, эта квартира, загородный дом, счета в банках... Ну и, конечно, наша фирма.

МАКСИМ. «Наша»? Фирма – это тоже наше общее имущество?

ЛЮДМИЛА. Конечно.

МАКСИМ. И квартира?

ЛЮДМИЛА. И квартира.

МАКСИМ. Ты считаешь, что мы вместе ее заработали?

ЛЮДМИЛА. Да.

МАКСИМ. Я купил ее всего через неделю после нашей свадьбы.

ЛЮДМИЛА. Мой адвокат говорит, что это не имеет значения. Главное – что после регистрации брака. Хоть на другой день.

МАКСИМ. У тебя уже есть свой адвокат?

ЛЮДМИЛА. *(Чуть смешавшись.)* Ну, не то чтобы мой... Просто знакомый адвокат. Я случайно с ним разговорилась, и он мне объяснил.

МАКСИМ. Ты, видимо, не совсем ясно себе представляешь, как заработано наше имущество. Я не олигарх и не взяточник, а просто инженер. Ты же знаешь, я сделал

себе состояние тяжелым трудом и головой, а не спекуляцией, жульничеством или воровством. Деньги мне принесло изобретение, над которым я бился одиннадцать лет. Эти одиннадцать лет я бедствовал и голодал. Первая жена, не выдержав нищеты и неопределенности, меня бросила. И только два года назад, как раз перед самой нашей с тобой свадьбой, ко мне пришла удача, и я получил за свое изобретение большие деньги. Но они нажиты не за последние два года, а за одиннадцать лет работы перед тем.

ЛЮДМИЛА. Это не имеет значения. Мой адвокат говорит, что раз квартира, дом и фирма официально приобретены после регистрации брака, значит всё общее.

МАКСИМ. Ага, значит, у тебя все-таки есть свой адвокат.

ЛЮДМИЛА. Ну, есть. Иметь своего адвоката - не преступление.

МАКСИМ. Моя фирма сейчас работает над новым прибором. На его разработку взяты в кредит огромные суммы, и конца пока не видно. Если ты заберешь из фирмы половину капитала, она или лопнет, или перейдет в другие руки. Я буду разорен. Дело всей моей жизни пойдет насмарку.

ЛЮДМИЛА. Когда ты закончишь этот свой новый прибор?

МАКСИМ. Не знаю. Может быть, никогда. Пока я только трачу на него деньги, но ничего не получаю. В таких делах результат предсказать трудно.

ЛЮДМИЛА. Вот, видишь?

МАКСИМ. Что «видишь»?

ЛЮДМИЛА. А то, что ты опять можешь разориться. Тебя это не волнует, для тебя главное в жизни – работа, а для меня уверенность в благополучии очень важна. Так что лучше разделить имущество сейчас.

МАКСИМ. *(Помолчав.)* Ну, что ж, давай делить. Значит, ты все-таки хочешь половину?

ЛЮДМИЛА. Да.

МАКСИМ. И больше ничего?

ЛЮДМИЛА. Ну, и драгоценности. Адвокат сказал, что украшения, меха, одежда и все такое – это мое личное имущество. Оно не делится.

МАКСИМ. Но драгоценности, которые я тебе подарил, стоят очень большие деньги.

ЛЮДМИЛА. Но они же мои. И еще джип. Ты мне тоже его подарил.

МАКСИМ. Я не совсем понимаю: мы пока только делим имущество, или уже разводимся?

ЛЮДМИЛА. С чего ты взял? Я о разводе не сказала ни слова.

МАКСИМ. Почему же ты тогда так торопишься с разделом? Разве я тебе когда-нибудь в чем-то отказывал?

ЛЮДМИЛА. Я же тебе объяснила: просто мне хочется чувствовать себя независимой. И я вовсе не тороплюсь. Не обязательно делать это прямо сейчас. Можно и завтра. Или сегодня вечером.

МАКСИМ. А может, существует еще какая-то причина твоей торопливости?

ЛЮДМИЛА. Нет. Какая может быть такая причина?

МАКСИМ. Скажи, у тебя кто-то есть?

ЛЮДМИЛА. Нет, конечно.

МАКСИМ. Честное слово?

ЛЮДМИЛА. Клянусь тебе. Ты же знаешь, как я тебя люблю. *(Обнимает его.)*

МАКСИМ. Я знаю.

ЛЮДМИЛА. Правда, иногда мне кажется, что мы друг другу не подходим.

МАКСИМ. Вот как?

ЛЮДМИЛА. Ну, подумай сам. Я молодая симпатичная женщина, а ты специалист в этом... как его... в теле... никак не могу запомнить...

МАКСИМ. В телекоммуникациях.

ЛЮДМИЛА. Да, в телекоммуникациях. Все время забываю, что это такое.

МАКСИМ. Это передача информации на расстоянии с помощью электронного оборудования.

ЛЮДМИЛА. Ну вот, видишь, как это скучно? А ты ничем, кроме этого, не интересуешься.

Мне с тобой было хорошо, но я хочу большего.

МАКСИМ. «Было» хорошо или просто хорошо?

ЛЮДМИЛА. Не цепляйся к словам.

МАКСИМ. И чего же «большого» ты хочешь?

ЛЮДМИЛА. Ну... Не знаю. Чего-то другого.

МАКСИМ. Попросту говоря, ты все-таки хочешь развестись.

ЛЮДМИЛА. Может быть.

МАКСИМ. Но ты ведь только что сказала, что меня любишь.

ЛЮДМИЛА. Любовь – это одно, а брак - это другое.

МАКСИМ. А, может, ты любишь не меня?

ЛЮДМИЛА. Я с тобой начала разговор не про любовь, а про раздел имущества.

МАКСИМ. Хорошо. Вернемся к этой теме. Значит, на меньшее, чем половина с лишним, ты не согласна.

ЛЮДМИЛА. Я тебе уже всё сказала.

МАКСИМ. Наше совместное наживание имущества заключалось в том, что я зарабатывал, а ты тратила. Ведь ты не работала, дом не вела, детей у нас нет.

ЛЮДМИЛА. Чего ты от меня хочешь?

МАКСИМ. Согласись на более скромную долю, и я тебя хорошо обеспечу.

ЛЮДМИЛА. Я и так буду обеспечена.

МАКСИМ. Это жестоко.

ЛЮДМИЛА. Я просто защищаю свои интересы.

МАКСИМ. Ты ставишь меня в безвыходное положение. Подумай хорошенько. Как бы потом не пожалеть.

ЛЮДМИЛА. О чем мне жалеть?

МАКСИМ. Это твое последнее слово?

Людмила молчит.

Хорошо. Прекратим этот спор. Давай лучше для снятия напряжения посмотрим фильм.

ЛЮДМИЛА. Чего вдруг?

МАКСИМ. Я хочу на его примере объяснить тебе, что такое телекоммуникации.

ЛЮДМИЛА. Нашел время смотреть фильмы, да еще про телекоммуникации. Не хочу.

МАКСИМ. Это лучше, чем вести разговоры о дележе.

ЛЮДМИЛА. Я же сказала, что это смертельно скучно.

МАКСИМ. Поверь, это будет очень интересно.

ЛЮДМИЛА. Не для меня.

МАКСИМ. Не всё же в жизни сводится лишь к «скучно» или «не скучно». Человек живет не только для веселья.

ЛЮДМИЛА. Ну, раз уж мы живем один раз, то лучше жить весело, чем скучно. А ты этого как раз не понимаешь.

МАКСИМ. Я записал этот фильм специально для тебя. Он у меня в компьютере, но можно показать его и через телевизор. Крупным планом будет еще интереснее.

ЛЮДМИЛА. Не хочу.

МАКСИМ. Посмотри хотя бы пять минут.

ЛЮДМИЛА. Не буду.

МАКСИМ. А я все-таки включу.

Максим включает компьютер и телевизор. В зависимости от характера постановки, телевизор может быть повернут так, что зрители могут или видеть, что происходит на экране, или только слышать звуковую дорожку.

Пока Максим включает устройства, Людмила берет свою сумку, ключи и телефон и направляется к выходу, однако, услышав первые реплики диалога по телевизору, останавливается. Вначале экран телевизора пуст, слышны только голоса.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. А это не будет с твоей стороны слишком рискованный шаг?

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Я развода не боюсь. Он человек богатый, выложит солидный куш, и после раздела имущества я буду обеспечена на всю жизнь.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Но если ты останешься с ним, ты тоже будешь обеспечена.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. А это неизвестно. Если он разорится, я останусь с ним у разбитого корыта. А так моё останется при мне. И вообще, как ни странно, он человек непрактичный.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я знаю. Он мог получить за свое изобретение сотни миллионов, а получил раз в десять меньше. Но тоже достаточно.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. В любом случае, всё, что я смогу при разводе от него отобрать, я вырву, можешь в этом не сомневаться. Ты ведь сам меня научил, как надо действовать. Кстати, ты уверен, что закон будет на моей стороне?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Закон всегда на стороне женщин. Это идет еще от прошлых веков, когда женщины не работали и были зависимы от мужа. Теперь времена изменились, но все равно при разводе их считают беспомощными, несчастными, обманутыми и брошенными.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Вот и хорошо.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Тебе не жалко будет с ним расставаться?

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Не особенно. Он всегда был для меня лишь ступенькой к чему-то большему.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. И все же не стоит торопиться. Он нам может еще пригодиться.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Зачем? Обойдемся теперь и без него. Ты уже без пяти минут депутат.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Предвыборная кампания еще не кончилась, конкуренты догоняют, и мне позарез нужны на финише деньги. Без денег выборы не выигрывают. Постарайся на него повлиять.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Не беспокойся, мы высосем из него всё, что можно.

ЛЮДМИЛА. Останови! Останови сейчас же!

Максим останавливает воспроизведение файла.

ЛЮДМИЛА. Как у тебя появилась эта запись?

МАКСИМ. С помощью телекоммуникации. Ну как, не скучно?

ЛЮДМИЛА. *(Овладев собой.)* Скучно. Обещал показать кино, а сам прокручиваешь чьи-то незнакомые голоса.

МАКСИМ. Хочешь кино? Сейчас будет. Сядь спокойно и смотри.

Максим включает видеозапись.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Как ты думаешь, он нас подозревает?

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Нет. Он же простофиля. Разве он подарил бы мне такую машину, если бы о чем-то догадывался?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Будь осторожна. У него не должно быть ни малейших подозрений.

Особенно теперь, до выборов.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Перестань без конца говорить о выборах. Лучше обними меня. У нас и так мало времени. Ну, чего ты медлишь?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. У меня такое ощущение, что мы на виду.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Не беспокойся, у этой машины такие стекла, что снаружи ничего не видно. К тому же, есть занавески. Как раз то, что нам нужно, а то почти нигде было встречаться. Приходилось уезжать за сто километров.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Какая у тебя мягкая кожа...

Слышатся звуки поцелуев, стоны, вздохи.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. А здесь удобно, правда?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Да, не хуже, чем в постели.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Даже интереснее.

МАКСИМ. Хочешь посмотреть дальше?

ЛЮДМИЛА. Нет. Это мерзко.

МАКСИМ. Да, это мерзко. *(Останавливает показ.)*

ЛЮДМИЛА. Как ты это сделал?

МАКСИМ. Очень просто. В джипе установлено четыре видеокамеры. Они снимали вашу любовь со всех четырех сторон, и запись транслировалась мне на компьютер. То, что называется онлайн.

ЛЮДМИЛА. И тебе не стыдно было это записывать?

МАКСИМ. А тебе не стыдно было это делать?

ЛЮДМИЛА. Ты порядочный мерзавец.

МАКСИМ. Я знал, что ты это скажешь. Обычный ход: сделать подлость и возмущаться, когда тебя ткнут в нее носом.

ЛЮДМИЛА. Все равно, это не по-мужски.

МАКСИМ. А твой адвокат поступает по-мужски? Я считал его другом, сделал его юрисконсультom своей фирмы, дал ему хорошую зарплату, помог ему выставить свою кандидатуру на выборах. А в благодарность он спит с моей женой и одновременно учит ее выгодно разводиться и выкачивать из меня деньги.

ЛЮДМИЛА. Отнесись к этому проще. Тебе кажется, что произошла катастрофа, а у нас с ним любовью и не пахнет. Это ведь ничто, просто легкое увлечение.

МАКСИМ. Для тебя это ничто, а для меня... Я любил тебя. Окружил тебя заботой. Ничего для тебя не жалел. Когда мне сказали, что ты меня обманываешь, я не поверил. Решил убедиться сам. И вот, убедился.

ЛЮДМИЛА. Да, я поступила глупо и некрасиво, но ты ведь знаешь: мы, женщины, в отличие от мужчин, руководствуемся минутными эмоциями, а не разумом.

МАКСИМ. Возможно. Но при этом женщины еще и очень практичны. Куда практичнее мужчин.

ЛЮДМИЛА. Что же меня теперь ждет?

МАКСИМ. Счастье с твоим бывшим любовником.

ЛЮДМИЛА. Почему с «бывшим»?

МАКСИМ. Потому что теперь он будет твоим не любовником, а мужем.

ЛЮДМИЛА. Это невозможно.

МАКСИМ. Почему? Переместитесь из машины в постель. Гораздо удобнее.

ЛЮДМИЛА. Он женат, и у него трое детей.

МАКСИМ. Разведется.

ЛЮДМИЛА. Это невозможно.

МАКСИМ. Почему? Мы же с тобой разводимся.

ЛЮДМИЛА. А мы с тобой разводимся?

МАКСИМ. Конечно. А ты считаешь, что нет? Ты ведь сама этого хотела. Расстанешься с таким непрактичным простофилей, как я.

ЛЮДМИЛА. Это жестоко.

МАКСИМ. Другого варианта, к сожалению, нет.

ЛЮДМИЛА. А как мы будем делить имущество?

МАКСИМ. По справедливости.

ЛЮДМИЛА. (*Подумав, снова обретает самоуверенность.*) Если уж на то пошло, для раздела имущества не имеет значения, кто виноват, а кто нет. Все равно оно будет разделено по закону. Да и что такое вина? Я скажу в суде, что ты меня не удовлетворял, вот и все. Тогда получится, что виноват ты, а не я.

МАКСИМ. Но ведь это неправда.

ЛЮДМИЛА. А кому в суде нужна правда?

МАКСИМ. Я смотрю, ты несправима.

ЛЮДМИЛА. Если ты хочешь использовать эту запись, чтобы меня шантажировать, то на это не рассчитывай. Я скажу в суде, что это монтаж, подделка. Да я уверена, что суд вообще не примет этот ролик во внимание.

МАКСИМ. Успокойся. Я вовсе не собираюсь представлять его в суд. Я просто помешу его в Интернет, и сотни тысяч человек будут любоваться твоими раскинутыми ляжками и усердно работающим потным адвокатом между ними. Честным адвокатом, который обещает стать честным депутатом.

ЛЮДМИЛА. Ты в самом деле сделаешь это?

МАКСИМ. Почему нет?

ЛЮДМИЛА. (*После некоторого размышления.*) Хорошо. Помещай свое видео куда угодно. В конце концов, что такого, если люди увидят, что я занималась сексом? Все этим занимаются. Или ты считаешь, из-за какого-то кино я откажусь от своих миллионов? От этого дома? Не дождешься. Пусть смотрят. Подумаешь - очередной порнофильм. Теперь этим никого не удивишь.

МАКСИМ. Я думаю, избиратели все-таки удивятся, увидев воплощенную честность без штанов.

ЛЮДМИЛА. Этот ролик только поднимет его популярность. Мужчинам такие приключения нравятся. Да и женщинам тоже.

МАКСИМ. Для жены твоего адвоката это тоже будет сюрприз.

ЛЮДМИЛА. Пускай. Мне на нее плевать.

МАКСИМ. И на него?

ЛЮДМИЛА. В конце концов, и на него тоже.

МАКСИМ. Ну что ж, раз тебе такие ролики нравятся, посмотрим еще один отрывок. (*Включает запись.*)

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Мне надо ехать на митинг. Давай одеваться. Если бы ты знала, как мне надоели эти идиоты избиратели.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Они от тебя не отстанут и после выборов.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. После выборов я захлопну перед ними дверь. Это быдло будет мне только мешать. Как сказал один мудрый человек, администрация должна быть отделена от народа. Это лучше для администрации и лучше для народа.

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Сначала надо выиграть выборы.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. А для этого нужны деньги. Кстати, я дал тебе документ, по которому фирма должна заплатить мне как бы гонорар за мои юридические услуги. Муж подписал его?

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Нет.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Нет?

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Не волнуйся. Я подписала его сама. За эти годы я научилась хорошо подделывать его подпись. Бухгалтер принял документ и сказал, что фирма переведет деньги.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Бухгалтер не удивился?

ГОЛОС ЛЮДМИЛЫ. Нет. Тебе ведь и раньше переводили гонорары, только не такие большие. Пока у мужа есть средства, возьмем от него как можно больше. Остальное я отберу при разводе.

МАКСИМ. *(Останавливая видео.)* Ладно, развлеклись, и хватит. Вернемся к разговору о дележе имущества.

ЛЮДМИЛА. Да я, собственно, и не настаиваю. Успеется.

МАКСИМ. Успеется, конечно. Но и откладывать тоже ни к чему. Ты же сама хотела делить всё прямо сегодня.

ЛЮДМИЛА. Смотря на каких условиях.

МАКСИМ. Условия простые. Ты хочешь сесть в тюрьму за подделку подписи на финансовых документах фирмы?

ЛЮДМИЛА. В тюрьму? Нет.

МАКСИМ. Ты хочешь, чтобы эти записи попали в интернет?

ЛЮДМИЛА. Нет.

МАКСИМ. Может быть, твой без пяти минут депутат хочет, чтобы это видео слушало и смотрело быдло, то есть его идиоты избиратели?

ЛЮДМИЛА. Нет.

МАКСИМ. Тогда не будем говорить об условиях. Но ты не беспокойся, я верну тебе всё, с чем ты ко мне пришла.

ЛЮДМИЛА. Но у меня ничего не было, кроме ситцевого платья!

МАКСИМ. Кстати, ты мне в нем нравилась больше, чем в мехах и драгоценностях. Пожалуй, я его у тебя куплю. Оставлю себе на память.

ЛЮДМИЛА. А я останусь ни с чем?

МАКСИМ. А ты останешься со своим адвокатом. Если он тебя возьмет. Я, правда, думаю, ты была ему нужна лишь для того, чтобы выкачивать из меня деньги. Кстати, скажи ему, чтобы он немедленно всё мне вернул.

ЛЮДМИЛА. Не надо загонять его в угол. Когда он станет депутатом, он тебе все возместит. У кого есть власть, у того есть и возможности.

МАКСИМ. Он не будет депутатом. Передай ему, чтобы он снял свою кандидатуру.

ЛЮДМИЛА. Но он уже затратил столько сил и денег... Он стал популярен.

МАКСИМ. Я знаю. «Моя программа состоит из одного слова: честность».

ЛЮДМИЛА. Ты же сам посоветовал ему этот лозунг.

МАКСИМ. Но я не советовал ему быть мерзавцем.

ЛЮДМИЛА. И у него такие хорошие шансы...

МАКСИМ. Теперь у него шансов нет.

ЛЮДМИЛА. Мелочная месть людей не красит.

МАКСИМ. Это не месть. Просто подлецов надо убирать из политики. Их и так развелось слишком много, натыкаешься на каждом шагу. Пусть хотя бы на одного будет меньше.

ЛЮДМИЛА. Что же мне делать?

МАКСИМ. Ты дама практичная и без комплексов. Не пропадешь. Я был для тебя лишь ступенькой. Ищи теперь ступеньку повыше. Сейчас мы съездим к нотариусу, ты подпишешь отказ от имущества и заявление о разводе и можешь идти на все четыре стороны.

ЛЮДМИЛА. Это жестоко.

МАКСИМ. Ты меня обманула, предала, и продала. А я тебя отпускаю, хотя мог бы

посадить и втоптать в грязь. Пошли, нотариус ждет.

Людмила неохотно направляется к выходу. Максим окликает ее.

Постой.

Людмила останавливается.

Верни мне ключи от джипа. Они тебе больше не понадобятся.

КОНЕЦ

Комментарии

Эта пьеса написана по принципу соблюдения знаменитых трех единств: времени, места, и действия. Здесь действие происходит в течение одного часа, совершается в одной комнате и подчинено одной идее: измена и предательство. Отсечение побочных линий и концентрация на двух персонажах и одной теме позволили выстроить драматический, построенный на противоборстве, диалог и отчетливо очертить характеры. В центр пьесы ставится ключевой момент жизни героев, наиболее напряженный, наиболее драматический, спокойному повествованию не находится места. Вместе с тем, все вспомогательные линии сюжета сохранены. Именно пьесы такого типа чаще всего вызывают у читателя-зрителя постоянный и столь нужный вопрос: «А что будет дальше»? Впрочем, соблюдение единств, полное или частичное, не исключает членения (необязательно формального) на акты, сцены, картины и эпизоды. Количество действующих лиц тоже, разумеется не должно обязательно сводиться к двум героям (например, в гоголевском «Ревизоре» около трех десятков персонажей). Важно только, чтобы все они были вовлечены в единое действие.

Из этих трех единств безусловного соблюдения в драматургии требует лишь единство действия. Оно дается авторам труднее всего: ведь так трудно определить, о чем ты, собственно, пишешь, так не хочется зачеркивать ненужные, но интересные и уже написанные разговоры, так жаль избавляться от удачно придуманных, но лишних персонажей! Поэтому проще объявить единство действия устаревшим, а его игнорирование – новаторством. Пусть все написанное останется как есть. Тем более режиссер, если будет ставить, сам вычеркнет все, что захочет.

Пьесы такого типа технически наиболее отвечают сущности драмы, но писать их обычно намного труднее, чем пьесы свободной конструкции. Действие надо сжимать, события концентрировать, их непросто размещать в нужной последовательности в малом отрезке времени. Трудно мотивировать появление персонажей в одной и той же точке и в одно и то же время. Кроме того, намного сложнее показывать протяженность событий, развитие их во времени (допустим, взросление и старение героев, их долгие усилия на пути к осуществлению или краху их надежд, зарождение, нарастание и увядание их чувств и т.п.). И менее всего такой тип драмы годится для биографий (этот жанр лучше оставить для кинофильмов).

Заключение

Итак, оставляя замысел и его трактовку неизменными, можно избирать разные варианты его драматического воплощения: пересказать его в виде «псевдодрамы», составлять пьесу из разного числа эпизодов; показывать часть событий совершающимися у нас на глазах, а часть – упоминаемыми в рассказах; часть героев вывести на сцену, а

часть – совсем не выводить на нее. Создание конструкции пьесы (а не сочинение диалогов) и составляет главную трудность при создании пьесы и является главным отличием работы драматурга от работы прозаика. Размышляя над замыслом, надо все время помнить, что ваша история должна совершаться не «вообще», а на глазах у зрителя. Прежде чем писать первую реплику диалога, нужно определить для себя ведущую тему и главный конфликт, выбрать персонажей, и сразу распределить героев и события по актам и эпизодам, наметив время и место каждой сцены, т.е. составить сценический план, стремясь при этом, чтобы события показывались и игрались на самой сцене, а не излагались в рассказах персонажей. Только тогда исходная заготовка может считаться замыслом именно пьесы, а не просто «сюжетом для небольшого рассказа».

Эти идеи известны или кажутся известными; остается только удивляться тому, как редко их применяют на деле.

КОНЕЦ